

Идеология и психология российского большевизма: становление, основные черты и особенности

Ольшевский Валерий Георгиевич
Независимый исследователь, Беларусь
e-mail: valgol46@mail.ru

Аннотация. Потенциал психологии как науки, изучающей человека и общество, до сих пор ограничен наследием большевизма. В статье исследуются психологические особенности его главного идеолога В.И. Ленина, сформировавшегося под влиянием семейного окружения, а также идей и взглядов его предшественников в революционном движении Н.Г. Чернышевского, П.Н. Ткачева, С.Г. Нечаева. Обобщены основные черты и особенности идеологии, психологии и практики большевизма при жизни В.И. Ленина.
Ключевые слова: идеология, психология, большевизм, В.И. Ленин, Н.Г. Чернышевский, П.Н. Ткачев, С.Г. Нечаев, революционное насилие.

Russian bolshevist ideology and psychology: formation, the basic features and peculiarities

Olshevskiy Valeriy Georgievich
Independent Researcher, Belarus
e-mail: valgol46@mail.ru

Abstract. The potential of psychology as a science that studies man and society is still limited to the legacy of Bolshevism. The article examines the psychological characteristics of his main ideologist V.I. Lenin, formed under the influence of the family environment, as well as the ideas and views of his predecessors in the revolutionary movement N.G. Chernyshevsky, P.N. Tkacheva, S.G. Nechaev. The main features and features of the ideology, psychology and practice of Bolshevism during the life of V.I. Lenin.
Keywords: ideology, psychology, bolshevism, V.I. Lenin, N.G. Chernyshevsky, P.N. Tkachev, S.G. Nechaev, revolutionary violence.

Бесспорно, большевизм сыграл значительную роль, как в мировой истории, так и в истории стран бывшего СССР. Можно согласиться с утверждениями некоторых авторов о том, что большевистская революция «сформировала все элементы бытовой, социальной, политической, идеологической, экономической, культурной жизни россиян (граждан СССР) XX века» [15]. Хотя есть исследователи, которые уже поторопились «похоронить» большевизм [см., напр.: 3], он все еще оказывает большое влияние на состояние российского общества. Достаточно вспомнить опубликованные в 2017 г. результаты масштабного опроса ВЦИОМ, показывающие, что в оценке «Великого Октября» народ России раскололся на две примерно равные части. Причем за последнюю четверть века соотношение практически не изменилось, лишь уменьшилось количество колеблющихся граждан. Если в 1990 г. на вопрос «Выражала ли Октябрьская революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи?» утвердительно отвечали 36% опрошенных, а отрицательно 37%, то в декабре 2016 г. соотношение составило 45% к 43% [2]. Очевидно, участники опроса даже не понимали, что фактически в данном случае речь шла об отношении наших современников к большевизму, но, вероятнее всего, они даже не знают, что это такое. И здесь уже возникает вопрос о состоянии социально-гуманитарной грамотности даже образованных людей, и особенно – о качестве исторической науки и исторической памяти народа. В Википедии, так называемой свободной энциклопедии, большевизм характеризуется как «революционное марксистское течение политической мысли и политическое движение, связанное с формированием жестко централизованной, сплоченной и дисциплинированной партии социальной революции, ориентированной на свержение существующего государственного строя, захват власти и установление диктатуры пролетариата» [4]. Те же отличительные признаки почти дословно выделены и в электронной энциклопедии Коммунист.Ru [5].

Однако, очевидно, что по своей глубинной сути большевизм – более сложный феномен. Он возник как идеология и психология в процессе становления революционного сознания его лидера и вождя В.И. Ленина. В 1903 г. организационно оформился как радикальное течение в Российской социал-демократической партии. После захвата большевиками власти в 1917 г. превратился в официальную политическую идеологию и программу практических действий монополюльно правящей партии, осуществляющей «диктатуру пролетариата» по отношению ко всем инакомыслящим, затем и большинству населения. Уже при жизни Ленина он претерпел значительную эволюцию, впоследствии подвергся существенной модификации И.В. Сталиным

и его преемниками, стал одной из важнейших причин пережитой народами СССР в 1991 г. и в последующих годах гуманитарной катастрофы [30] и сохраняется в видеоизмененных формах на постсоветском пространстве вплоть до наших дней. Дебольшевизация общественной жизни, развитие работающего на человека правового гражданского общества, отличающегося более высокой степенью самоорганизации, всеобщей ответственностью, способностью государства, общества, отдельных граждан и их объединений действовать синхронно, солидарно и на общий результат является актуальной, по мнению некоторых политологов, – недостижимой задачей [33].

Об олицетворяющих большевизм большевиках в советские времена говорили и писали как о борцах за справедливость, свободу и счастье не только народов России – СССР, но и всего «прогрессивного человечества». Действительно, нельзя забывать о том, что комплекс основных социально-экономических прав человека: на труд и достойное жилье, 8-часовой рабочий день, недопущение дискриминации по полу и расовым признакам, пенсии и медицинская помощь вошли в мировой реестр прав человека именно благодаря их провозглашению в СССР. Но большевики не сумели реально обеспечить эти права: безрыночная экономика оказалась ахиллесовой пятой утопической теории и практики. Более того, устремленность к специфической «пролетарской» справедливости и провозглашенные права стали основой формирования социального нарциссизма – обусловленного убежденностью в том, что мы лучше всех знаем, что нужно людям планеты для полного счастья безудержного самовосхваления, непоколебимой веры в наше превосходство над другими странами, народами, системами [см.: 44]. Важной особенностью нашего социума, стал значимый разрыв между сконструированным на основе умозрительных представлений о справедливом общественном устройстве «должным» и отличающимся от него «сущим». Различия между мифологизированным фасадом динамично устремленного в светлое будущее советского общества и отодвинутой на задний план его «изнанкой», условиями повседневного обыденного существования абсолютного большинства населения чрезвычайно многообразной, многонациональной, многоуровневой и поликультурной страны весьма значительны. Преодоление или, по меньшей мере, смягчение этого разрыва, в том числе и разрыва между сконструированными мифологемами и фактически имевшим место в истории является сегодня одновременно потребностью и условием оздоровления индивидуального и общественного сознания.

Современный вариант трактовки исторических заслуг большевиков был изложен в выступлении профессора, декана Высшей школы телевидения

МГУ им. М.В. Ломоносова В.Т. Третьякова на заседании созданного КПРФ Юбилейного комитета по подготовке к празднованию столетия знаменательной даты 26 января 2017 г., изложенном в опубликованной им статье. По его мнению, величие красного Октября предопределяется, наряду с другими обстоятельствами, тем, что «именно в результате Октябрьской революции (прихода к власти большевиков) Россия под названием Советский Союз стала одной из двух мировых сверхдержав, достигнув своего максимального за всю историю могущества и влияния... Большевистская партия сознательно пошла на один из величайших социально-политических экспериментов в истории человечества... Этот эксперимент успешно продолжался почти три четверти века и хотя и завершился в конечном счете неудачей, не может быть вычеркнут из исторического опыта человечества ни в своей негативной части, ни, что гораздо важнее, в своей положительной ипостаси... Большевики первыми в мире попытались в таких масштабах реализовать одну из величайших утопий человеческой цивилизации – построение бесклассового и лишённого расовых, сословных, имущественных и прочих антагонизмов общества и государства (фактически – «Рая на земле»). Этого не удалось сделать. Возможно, потому, что никакую утопию воплотить в жизнь нельзя, но попытка была, и дерзновенность ее сопоставима с масштабами самой человеческой истории и уступает разве что появлению и развитию великих религиозных проектов, в частности – христианства. ...Октябрьская революция привела к появлению в России двух величайших политиков из числа 5–6, которые вообще могут быть отнесены к таковым в мировой истории XX века. Это, разумеется, Ленин и Сталин, несмотря на то, что оценки их деятельности могут быть самыми разнообразными и самыми противоречивыми» [39].

Не вдаваясь в детальный анализ изложенных положений [см. об этом: 29], вспомним и некоторые противоположные по духу и смыслу авторитетные мнения. В частности, доктор исторических наук, депутат Государственной думы IV созыва, директор финансируемого Россией Европейского Института демократии и сотрудничества в Париже Н.А. Нарочницкая, почерпнувшая знания не только из книг, отечественных и зарубежных архивов, но и из воспоминаний своего отца – академика-историка АПН и АН СССР, профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС, главного редактора журнала «Новая и новейшая история», директора Института истории СССР АН СССР, брата «врага народа», пережившего все периоды репрессий, считает большевистскую революцию трагедией вселенского масштаба [14; 16; 23]. «Революция – это богоборческая идея, явление нигилизма, отрицания веры, Отечества, абсолютной морали и представлений о добре и зле», – утверждает она

[16]. Другой потомственный доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, депутат Государственной думы I, VI и VII созывов, действующий председатель Комитета по образованию и науке ГД В.А. Никонов считает, что в так называемой Великой Русской революции «не было ничего великого, кроме трагедии страны и ее народа» [26, с. 7]. Это мнение достойно особого внимания, поскольку оно сформулировано не только по книгам хорошо знающим наше прошлое ученым и политиком, сыном двух докторов исторических наук: отца – бывшего сотрудника НКВД, профессора МГИМО, сотрудника ИМЭМО, редактора журнала «Коммунист» и матери – сотрудницы Института общей истории АН СССР и, что особенно важно, любимым и любящим внуком В.М. Молотова – политического и государственного деятеля, соратника Ленина и Сталина, бывшего секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совнаркома СССР, народного комиссара – министра иностранных дел СССР, оказавшегося в опале Сталина после ареста и ссылки его жены П.С. Жемчужиной, но выступившего в его защиту в период «разоблачения культа личности». До 30-летнего возраста Никонов общался со своим знаменитым и хорошо информированным дедом, и это не могло не сказаться на формировании его убеждений.

Отмеченная противоположность мнений высококвалифицированных специалистов во многом объясняется естественным для большевистски мыслящих «посвященных» дефицитом гуманитарного осмысления жизни. Ведь само слово «гуманус» в переводе с греческого языка означает «человек», а с латинского – «человеческий, человеческий, отличающийся любовью к людям». Понятие гуманизма как человечности отношений между людьми совершенно не присуще специфически избирательной политической идеологии большевизма. Поэтому в Советской России гуманитарные науки (науки о человеке) превратились в науки о классовом обществе. Произошло существенное смещение акцентов: у основоположника учения: «считаться с массами и классами, а не с лицами» [17, т. 31, с. 157]; у чутко улавливающего специфику большевизма Маяковского: «Единица вздор, единица ноль...». При этом всячески превозносилась жертвенность. В юношеские годы автор этих строк был весьма впечатлен, как оказалось, экологически неграмотной максимой поэта: «Пусть недолго прожить, но чтоб ярче сгореть. Чтобы полюс и льды растопить и согреть». В современной российской психологии приоритетным считается увеличение продолжительности активной жизни с тем, чтобы человек мог полностью реализовать себя и принести максимальную пользу обществу.

В послереволюционной России из всех наук о человеке в особенно трудном положении оказалась психология. Британский философ, логик,

математик и общественный деятель Б. Рассел в книге, написанной им после посещения в 1920 г. Москвы, бесед с Лениным, Троцким, Горьким, представителями оппозиции и простыми людьми [31] отмечал, что для всей марксистской тенденции характерно «пренебрежение к психологизму», проявляющееся в игнорировании или ограниченной трактовке психических феноменов. Значительный интерес представляет описание Расселом «большевистского образа мышления», основной чертой которого является «догматическое верование». Рассел называет большевизм религией со своими догмами и священными писаниями. Принимающие большевизм, по его мнению, становятся невосприимчивыми к доказательствам науки и совершают «интеллектуальное самоубийство». Большевистский образ мышления характеризуется также «догматизмом ненависти», «верой, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия». В принципах большевизма «больше желания разрушить зло, чем создать новое добро». Выделяются психологические последствия насилия и пренебрежения законностью: создание привычек к деспотизму, запрет на свободомыслие. Интересны также мысли Рассела о психологической готовности простых людей к совершению социальных революций, включающей взгляды, чувства, характер, мировоззрение. В постсоветской специальной литературе внимание авторов привлекают психология революционной эпохи, психопатология большевизма, психологические последствия репрессий в 1917-1953 гг. [6; 12; 34].

Изложенное обуславливает особую актуальность исследования идеологии и психологии большевизма, очищения представлений о нем от заблуждений и целенаправленной мифологизации в контексте современного переосмысления истории, новых трактовок и оценок политических и правовых идей и событий. Без адекватных представлений о прошлом нельзя добиться морально-политического единства народа, а без этого невозможно эффективное решение стоящих перед постсоветскими обществами задач [27; 32]. Исходя из необходимости уяснения, как то или иное явление возникло, какие этапы в своем развитии прошло и чем оно стало на сегодняшний день [17, т. 39, с. 67] особый интерес представляет идейное и нравственное становление главного идеолога и вождя большевизма.

О Ленине как революционере, политике, государственном деятеле, «вожде мирового пролетариата» написаны горы книг. Один из исследователей его жизни утверждает, что согласно статистике «больше, чем о Ленине, написано только о Христе». Но настоящего, живого Ленина в этих книгах нет. По словам упомянутого автора, фигура Ленина «была невероятного размаха, нечеловеческая, необъяснимых масштабов, таинственная и вызывающая

суеверный ужас, но она как бы скрыта завесой, мутным стеклом» [9, с. 3]. И дело не только в том, что мастера партийной пропаганды и кукловоды на высшем уровне государственного управления затратили много труда и средств на создание и сохранение, пожалуй, одного из самых живучих мифов истории. Чем больше изучаешь сказанное, написанное и фактически сделанное Лениным по сравнению с тем, что он явно или неявно замыслил, тем больше поражает его мастерство политической интриги, предполагающее глубокое знание психологии большинства не очень искушенных в науке и политике людей, на поддержку которых он рассчитывал. С этой точки зрения Ленин был настоящим большевиком в национальном и глобальном масштабах. Но в то же время не подлежит сомнению и то, что идеи, действия и сама разработанная и развиваемая Лениным и его последователями политическая доктрина большевизма противоречили общечеловеческой психике, психологии инстинктов, глубинной и вершинной психологии личности. Ленин как психолог безосновательно полагал, что «диктатура пролетариата», нацеленная сначала на уничтожение буржуазии, а затем и уничтожение классов вообще решит это противоречие. Поэтому разгадка «тайны» Ленина, вызываемого им «суеверного ужаса» лежит в плоскости его уникальной психологии, сформировавшейся в молодые годы, и идеологии созданного им большевизма.

По свидетельству А.И. Елизаровой-Ульяновой, ее брат был и вспыльчив, и застенчив. В раннем детстве отличался склонностью ломать игрушки и вещи намного чаще, чем остальные дети. Учившийся с ним шесть лет в одном классе Симбирской гимназии А.Н. Наумов в мемуарах, изданных в 1920-х гг. в Нью-Йорке, отмечал абсолютную удаленность своего соученика от детских и юношеских забав и коллективных прогулок, его непрерывную занятость или учением, или какой-нибудь письменной работой. «...Он ни с кем не дружил, со всеми был на “вы”... Его “душа” воистину была “чужая” и как таковая... оставалась, согласно известному изречению, лишь “потемками”» (цит. по: [10, с. 30]). «Его не любили, но не решались дразнить. Так он и прошел все восемь классов – одинокий, неуклюжий, серьезный, с волчьим взглядом исподлобья», – вспоминал другой одноклассник Ульянова поэт А. Коринфский [11]. В выпускной положительной и доброжелательной характеристике Ульянова, написанной в 1887 г. спустя две недели после казни его брата Александра, директор гимназии, преподававший в старшем классе словесность, Ф.М. Керенский – отец будущего министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского – также подчеркивал «излишнюю замкнутость, нелюбимость» своего любимца, закончившего учебу с золотой медалью.

Демонстрируя с ранних лет жизни недюженные задатки и способности, будучи «первым учеником», В. Ульянов отличался обостренным самолюбием и огромной самоуверенностью, нередко проявлял резкость суждений, насмешливость, заносчивость, неуважение к достоинству других. При этом он был баловнем семьи, хотя отец избегал его «захваливать». По воспоминаниям его двоюродного брата Н.В. Веретенникова, семейная обстановка была наполнена преклонением перед ним как «гением». С детских лет привыкнув к тому, что им восхищаются, он с трудом переносил замечания в свой адрес. Лишь смерть отца в январе 1886 г. и особенно казнь старшего брата в мае 1887 г. смягчили его отношение к домашним, особенно к матери. Вхожий в семью Ленина известный социал-демократ, летом 1917 г. навсегда вышедший из партии, Н.В. Валентинов (Вольский) писал: «Волевой и самоуверенный, Владимир Ульянов хотел быть свободным в своих влечениях, внутренних сдерживающих сил и правил, “велений совести”, “чувства долга”... у него не было» (цит. по: [9, с. 19]).

По оценке Валентинова, казнь брата стала поворотным событием в жизни В. Ульянова, проторившим дорогу к большевистской революции, изменившим историю России и всего человечества [9, с. 21]. На его становление как революционера преобладающее влияние оказали также идеи и личности, являющихся предтечами российского большевизма Н.Г. Чернышевского (1828-1889), П.Н. Ткачева (1844-1885) и С.Г. Нечаева (1847-1882).

Чернышевским Ульянов зачитывался во время отдыха, а затем вынужденного десятимесячного пребывания в имении Кокушкино Казанской губернии, унаследованном его матерью и теткой от деда А.Д. Бланка, куда он был выслан полицией в декабре 1887 г. после исключения из университета. По словам Ленина, до знакомства с Марксом, Энгельсом и Плехановым не было никого, кто имел бы на него такое подавляющее влияние. Чернышевский приобщил Ульянова к философскому материализму и диалектическому методу Гегеля, а переведенный им на русский язык и снабженный собственными примечаниями трактат «Основания политической экономии Д.С. Милля» подготовил к последующему изучению Маркса. От Чернышевского Ленин воспринял на всю жизнь ненависть к либерализму. По его признанию в январе 1904 г., роман Чернышевского «Что делать?» глубоко перепахал молодого Ульянова в сторону революции. И вдохновил его на написание осенью и зимой 1901/1902 г. насыщенной мотивами Чернышевского книги под таким же названием.

Ульянов считал величайшей заслугой Чернышевского то, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек

должен быть революционером, но и объяснил, каким он должен быть, какими правилами должен руководствоваться, как идти к своей цели, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. В описаниях Чернышевского, в снах Веры Павловны, Ульянов впервые познакомился с идеей социализма, с новой «эпохой всемирной истории», ведущей, как писал Чернышевский в своих статьях, к «союзному производству и потреблению», «переходу земли в общинное владение, а фабричных и заводских предприятий в общинное владение всех работников на этой фабрике, на этом заводе». Такие революционные преобразования приведут к строю, в котором не будет «нужды и горя», а только «вольный труд, довольство, добро и наслаждения». О движущих силах, мотивации и путях обеспечения подобного благоденствия речь не шла. Хотя разделяющий разработанную А. Смитом концепцию разумного эгоизма Чернышевский считал, что «человеком управляет только расчет – выгода»; «то, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе». Очевидно, ему не было известно, что знаменитой книге «Богатство народов», в которой была сформулирована идея приоритета личных интересов в мотивации поведения homo economicus, предшествовала другая книга Смита – «Теория нравственных чувств», указывающая на необходимость этических, нравственных ограничений эгоизма. Но молодого В. Ульянова не интересовали подобные сантименты, его завораживала картина «вольного труда и довольства», выгоды и пользы, которую видел Чернышевский в будущем обществе.

П.Н. Ткачев и С.Г. Нечаев вошли в историю революционного движения России как теоретики и практики политического и социального радикализма. Родившийся в семье мелкопоместных дворян Ткачев еще во время обучения в гимназии начал читать социалистическую литературу – издания Огарева и Герцена, статьи Добролюбова и Чернышевского. В ранних стихах, написанных в 16-17-летнем возрасте, проповедовал крестьянскую революцию. Поступив в 1861 г. на юридический факультет Петербургского университета, принял активное участие в студенческих волнениях, был заключен в Петропавловскую, затем в Кронштадтскую крепость, из которой вышел в декабре. По рассказу его сестры, известной писательницы детских рассказов А. Анненской, после освобождения из этой первой своей «отсидки» он предлагал для ускорения и обеспечения успеха возможной революции отрубить головы всем жителям Российской империи старше 25 лет, но позднее отказался от этой идеи.

Не имея возможности продолжать обучение в университете, через семь лет сдал экзамены экстерном, представил диссертацию и стал кандидатом права. В

1862 г. входил в кружок, готовящий к изданию прокламации, содержащие призыв свергнуть царя, выступал за немедленное решение задач революционного движения. В качестве одного из теоретиков революционного народничества, блестящего критика и публициста сотрудничал с несколькими прогрессивными журналами. В статьях, опубликованных в 1862-1864 гг., выдвинул идею изменения существующих в России социальных отношений на социалистических началах путем устройства сети воспитательных земельно-промышленных ассоциаций, в первую очередь на незаселенных землях. При этом активно участвовал в студенческих сходках, устройстве читален и воскресных школ, организации коммун и артелей и т. д. В 1868-1869 гг. вместе с С.Г. Нечаевым входил в руководящий комитет петербургского студенческого движения. Практически ежегодно подвергался арестам, обыскам, допросам, отбывал тюремные заключения. В напряженной борьбе с существующим режимом Ткачев пришел к выводу о том, что при сознательной деятельности, направленной на достижение общего блага, каковым является коренное изменение существующего социально-экономического строя, отступают на задний план все положения отвлеченной морали и справедливости, все требования кодекса нравственности, принятого буржуазной толпой. «Нравственные правила установлены для пользы общежития, и потому соблюдение их обязательно для каждого. Но нравственное правило, как все житейское, имеет характер относительный, и важность его определяется важностью того интереса, для охраны которого оно создано...» (цит. по: [37]).

В марте 1869 г. он был в очередной раз арестован, в 1871 г. приговорен к тюремному заключению на один год и четыре месяца в Петропавловской крепости. В начале 1873 г. его отправили в ссылку в имение матери Сивцова, Псковской губернии, откуда в декабре того же года он бежал за границу. Активизировал издательскую деятельность. В статьях и брошюрах, опубликованных под разными псевдонимами, в том числе в редактируемом им с 1875 г. журнале «Набат», он продолжил разработку своей концепции революции и задач революционной пропаганды. Как и все народники, Ткачев связывал надежду на социалистическое будущее России с крестьянством, проникнутым «принципами общинного владения». Но он понимал, что в силу своей пассивности и темноты оно неспособно самостоятельно совершить социальную революцию. Поэтому община может стать «ячейкой социализма» лишь после политической революции, которую должно осуществить «революционное меньшинство». Важнейшей гарантией успеха политической революции Ткачев считал создание тайной централизованной и законспирированной революционной организации такого меньшинства, открывающей народу

возможность проявить свою «разрушительно-революционную силу», создающей условия для «революционно-устроительной деятельности» широких масс. Фактически, он пропагандировал политический революционный переворот «без народа», без социальной революции, изменения социальной системы в целом.

Захват власти Ткачев считал возможным и сравнительно легким делом. «Для захвата власти, – утверждал он, – нужен заговор. Для заговора – организация и дисциплина: если ближайшая, практически-достижимая задача революционеров сводится к насильственному нападению на существующую политическую власть с целью захвата этой власти в свои руки, то отсюда само собой следует, что к осуществлению именно этой-то задачи и должны быть направлены все усилия истинно-революционной партии. Осуществить ее всего легче и удобнее посредством государственного заговора...» (цит. по: [42]). Одним из важных средств расшатывания, подрыва устойчивости враждебной народу государственной власти Ткачев считал терроризм. Он первым подвел теоретическую базу под стихийно возникшую в народническом движении террористическую практику по отношению к шпионам, предателям, а затем и представителям власти, охарактеризовал терроризм как средство политической борьбы и в то же время – нравственного и общественного возрождения. «Революционный терроризм, – писал он в сентябрьском номере журнала «Набат» за 1881 г., – является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, но является единственным действительным средством переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» [38]. Таким образом, Ткачев в первом приближении определил общие принципы организации и деятельности революционной партии по-новому, впервые охарактеризовал революцию и революционную деятельность как науку и как искусство. Однако его идеи вызвали резкую критику с разных сторон. Ему пришлось вести в печати острую полемику, в том числе с М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым, Ф. Энгельсом. Бакунин, Лавров и их сторонники возражали против применения революционного насилия в форме террора в широких масштабах. Из всех методов подготовки революции они отдавали предпочтение агитации и пропаганде. Соратник Маркса особенно подчеркивал опасность отказа от работы по привлечению широких народных масс на сторону революции. В России, безусловно, зреет революция, но именно поэтому, – учил он, – нужны упорство, выдержка, терпеливая работа в народе, тогда как «преждевременная попытка восстания... снова загонит имущие классы в объятия правительства» и тем самым ухудшит шансы революции [43, с. 548]. Несмотря на критику, Ткачев не

снижал активности, публиковал под традиционными псевдонимами за рубежом и в легальной российской прессе множество статей по социально-политической тематике, философии, праву, истории, педагогике, экономике и другим отраслям знаний, но предубеждение против него со временем только нарастало. По свидетельству «чернопередельца», а затем члена группы «Освобождение труда» Л.Г. Дейча, идеи Ткачева «приводили не только в крайнее негодование, но прямо в ужас тогдашних революционеров»; обстановка вокруг него не изменялась к лучшему. С 1882 г. у Ткачева появились признаки психического заболевания. Четыре последних года жизни он провел в больнице для душевнобольных в Париже, где и умер. Но память о нем жива. Более того, в последние десятилетия его деятельность и идеи вызывают особый интерес в связи с актуализацией исследования теории и практики большевизма и в России [13; 40; 41], и за рубежом. Американский историк А.Л. Уикс назвал его первым большевиком в истории человечества [45].

С.Г. Нечаев был менее интеллектуальным и достойным человеком, чем Ткачев, но получил более широкую известность в революционном движении и, хотя не вполне адекватно, даже отражен в художественной литературе. Его биография знакома всем любителям истории революций. Он родился в с. Иваново Владимирской губернии (ныне – г. Иваново) в семье бывших крепостных крестьян. Отец – внебрачный сын помещика в 10-летнем возрасте был продан вместе со своей матерью – крепостной «дворовой девкой». Получив вольную, работал половым в шуйских и ивановских трактирах, после женитьбы помогал тестю-маляру в его мастерской расписывать дуги для упряжек, научился делать вывески, организовывал банкеты, свадьбы, званые обеды и прочие торжества. Его умение сервировать столы высоко ценилось и хорошо оплачивалось. Мать, по рождению также крепостная, перейдя в мещанское сословие, стала портнихой. Сергей с ранних лет помогал деду раскрашивать дуги, работал полотером, был «мальчиком на побегушках» в купеческой конторе, с 14 лет помогал отцу в обслуживании банкетов в качестве официанта. Семья оплачивала хороших репетиторов, обучающихся подающего надежды мальчика латыни, немецкому, французскому, истории, математике и риторике [25]. В 1865 г. Нечаев переехал в Москву, которая серьезно изменила его взгляды и устремления. Он рвался в бывшую столицу с решительным намерением поступить в университет и вдруг решил сдать экзамен на звание городского приходского учителя. Попытка оказалась неудачной. Очевидно, столкнувшись с новыми людьми, он осознал ограниченность своих познаний и понял, что науки не помогут ему встать на ноги в его понимании. Спустя год он в Санкт-Петербурге, где в августе 1866 г. все же сдал экзамен и стал учителем. В течение

года он преподавал Закон Божий в Андреевском приходском училище при соборе Святого Андрея Первозванного, а затем его перевели в Сергиевское приходское училище с предоставлением большой казенной квартиры, хотя материальных улучшений новая служба не принесла. Кроме преподавания в училище Нечаев вынужден был давать частные уроки. С сентября 1868 г. в качестве вольнослушателя он посещал лекции в Петербургском университете, но хорошо понимал, что это не поможет ему выбраться из учительства и изменить свое жалкое существование. Нечаев возненавидел науку, ученость, интеллигентность. Он много читает, но теперь это революционная литература: Бланки, Прудон, Гегель, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и т. п. Чтение и общение в серой приходской учительской среде усиливали его неудовлетворенность. «Внутренний бунт подталкивал к бунту внешнему, недовольство – к недовольным, обида – к обиженным. Его тянуло к тем, кто явственно глупее, слабее, еще менее образован, к доверчивым, с ними легче и проще. Осенью 1868 г. он начал превращаться в того Нечаева, каким вошел в российскую историю» [19]. В это время он через земляков познакомился с бывшими владимирскими семинаристами – студентом столичного университета Иваном Аметистовым и его братом Евлампием, слушателем Медико-хирургической академии, которые помогли ему приобщиться к студенческим кружкам. Вскоре в кружках различных вузов сформировались группы его сторонников, которые стремились вывести студентов на демонстрации, возбудить в них «дух протеста против монархического образа правления», расширения участия студентов в пропаганде подобных идей в массах. Имя Нечаева со временем стало устойчиво отождествляться со студенческим движением. Осенью 1868 г. состоялось знакомство Нечаева с Ткачевым, который был уже широко известен среди молодежи как литератор радикальных взглядов, считался ветераном революционного движения, но в идейном содружестве с новичком в студенческой среде он добровольно уступил лидерство Нечаеву, популярность которого стремительно росла. На студенческих сходках Нечаев смело высказывал идеи своих сотоварищей: против произвола властей – произвол революционера, против неправды – ложь, против интриг – система иезуитских приемов, конспирирование всех действий, шантаж. Подобный крайний радикализм многими слушателями был воспринят как провоцирование полицейских репрессий, количество сторонников Нечаева резко поубавилось. Он не стал дожидаться полицейского преследования. Распространив через своих ближайших товарищей и живущую в Петербурге сестру Анну слух о своем аресте и бегстве при переезде из Петропавловской крепости в Сибирь, повторив эту легенду знакомым в Иваново, Одессе и Москве, с чужим заграничным

паспортом и заемными деньгами он 3 марта 1869 г. покинул белокаменную и уехал за границу. Вступил в контакт с известными российскими эмигрантами – революционными демократами, которым он сообщил, что является руководителем глубоко законспирированной многочисленной революционной организации в России. Особенно радушно его принял Бакунин, который выдал Нечаеву мандат существующего только на бумаге «Русского отдела Всемирного революционного Альянса», за номером 2771 [42]. Мандат свидетельствовал о том, что Нечаев является представителем этой организации, на нем была печать «Альянса» и подпись Бакунина. Анархистствующий Бакунин также помог Нечаеву написать документ, вошедший в историю социалистической мысли под названием «Катехизис революционера». Умудренные опытом Н.П. Огарев и А.И. Герцен отнеслись к Нечаеву более сдержанно, но тем не менее выдали ему из находящегося в их распоряжении так называемого «Бахметьевского фонда» 10 000 франков на дело революции.

Через несколько месяцев Нечаев вернулся в Россию. Он поселился в Москве и сразу приступил к созданию строго централизованной тайной революционной организации «Общество народной расправы», построенной на принципе строжайшей дисциплины и возглавляемой всеильным Центральным Комитетом. По замыслу создателя, члены ЦК должны быть диктаторами организации и обладать абсолютной властью. Остальным членам организации полагалось слепо исполнять все постановления ЦК. Вожди должны крепко держать в своих руках всех членов организации и не останавливаться ни перед чем для достижения своей цели. Фактически, единственным членом ЦК стал Нечаев. В качестве устава организации был утвержден «Катехизис революционера».

Документ состоял из 4 разделов (I. Отношение революционера к самому себе; II. Отношение революционера к товарищам по революции; III. Отношение революционера к обществу; IV. Отношение товарищества к народу) и 26 параграфов. Содержание первого раздела раскрыто шестью параграфами:

«§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер... знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение... презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других... Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение... Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции».

Впечатляют нормативные предписания относительно внутрипартийных отношений:

«§ 8. ...Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции...

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела...

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу,

приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить».

Отношение революционера к обществу наиболее ярко характеризуется следующим образом:

«§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду...».

Наконец, отношение товарищества к народу характеризуется так:

«§ 22. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революциею народною товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образу – движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низложением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. ...Сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством... Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всеокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача» [24].

Изложенными в документе радикальными идеями, совокупность которых получили название «нечаевщина», его автор вызвал много споров и расколов в рядах борцов за справедливость, оказав тем самым глубокое влияние на революционное движение. Беспощадный террор, подчинение средств цели стали орудиями набирающей масштабы борьбы. Катехизис стал библией для революционеров.

Реализуя принципы, заложенные в уставе «Народной расправы», Нечаев совместно с четырьмя своими сторонниками 21 ноября 1869 г. организовал и осуществил убийство члена организации студента Петровской земледельческой академии И. Иванова за неподчинение его воле. Это привело к раскрытию организации. Сам Нечаев бежал за границу, а его товарищи были привлечены к суду не только как уголовники, но и за создание революционного общества, приговорены к разным срокам каторжных работ. В эмиграции совместно с Огаревым и Бакуниным он издавал журнал «Народная расправа», возобновил издание «Колокола». Приобрел репутацию бесчестного человека, способного шпионить, вскрывать чужие письма, лгать и т. п. В 1872 г. он был арестован в Цюрихе и выдан швейцарским правительством России как уголовный преступник. В 1873 г. Московский окружной суд приговорил его к каторжным работам в рудниках на 20 лет, но его оставили в Петропавловской крепости, где с ним обращались как не с уголовным, а политическим преступником. Подчинив своему влиянию караульных солдат Алексеевского рavelина, относящихся к нему как к важной персоне, установил контакты с народовольцами, бывшими на свободе, в частности с А.И. Желябовым. Советовал ему прибегать в революционных целях к распространению ложных слухов, вымогательству денег и т. п. На этой почве разошелся и с «Народной волей». Умер в заключении. Послужил прототипом террориста Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», запрещенном в Советской России вплоть до смерти И.В. Сталина. Нечаев стал также одним из героев романа нобелевского лауреата Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» (1994 г.) и исторического романа Э. Радзинского «Князь. Записки стукача» (2013 г.).

Все обозначенные выше идеи Чернышевского, Ткачева и Нечаева послужили основой первой программной работы Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» [17, т. 6, с. 1-192], завершившей этап формирования Ленина как вождя наиболее радикальной части российской социал-демократии. Чернышевский и Ткачев упоминаются в тексте работы. По свидетельству одного из ближайших соратников Ленина, первого управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича, «Чернышевский – особенно был близок Владимиру Ильичу... Вслед за Чернышевским Владимир Ильич придавал очень большое значение Ткачеву, которого он предлагал всем и каждому читать, изучать». Не упоминается в работе и в так называемом «полном собрании сочинений» Ленина в целом лишь Нечаев. Нет его имени и ни в одном из сохранившихся документов ленинского архива. Однако тот же Бонч-Бруевич вспоминал, что Ленин часто задумывался над листовками Нечаева, называл его «титаном революции», говорил о необходимости собрать воедино и напечатать все им написанное. Как показала история, Ленин во многом воплотил нечаевские идеи в идеологии, психологии и практике большевизма, которые можно охарактеризовать следующим образом:

Непосредственные цели на разных этапах революционной деятельности: захват власти путем вооруженного восстания; превращение «империалистской» войны в гражданскую сначала в своей стране, а затем – в глобальных масштабах; мировая социалистическая революция; создание «Всемирной Федеративной Республики Советов» [17, т. 37, с. 511; т. 38, с. 299-300]. Лидерам большевиков был известен прогноз К. Маркса о том, что рабочим придется пережить от 15 до 50 лет гражданских войн и международных столкновений для того, чтобы добиться политического господства в мире [20, с. 431; 17, т. 35, с. 343-344]. По этому поводу «демон революции» Л.Д. Троцкий, долго являющийся вторым человеком в партии и государстве, с присущим ему апломбом провозглашал: «Русский народ – дрова в топке мировой революции».

Главными мотивами революционной деятельности большевиков, в частности – их вождя, были: ненависть к повесившему его брата царизму, «буржуазному обществу», к России, как «тюрьме народов» и «жандарму Европы»; уничтожение буржуазии как класса и создание условий, исключающих ее существование: в перспективе – построение бесклассового общества. По воспоминаниям члена РСДРП с момента ее основания Г.А. Соломона (Исецкого) Ленин в пылу полемики с сомневающимися в реализме его планов говорил: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..» [35, с. 9].

Средства достижения поставленных целей: до захвата власти – эффективный менеджмент формированием финансовых ресурсов разными методами (от эксов и регулярных сборов пожертвований либеральной «буржуазии» до курирования дел о наследовании крупных состояний, использования специальных фондов иностранных банков и государств); единоличное распоряжение Лениным партийной кассой, после переворота – контроль эмиссионно-банковского аппарата; диктатура пролетариата: по определению Ленина, ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть [17, т. 12, с. 320; т. 41, с. 383]; налаживание универсального, всеильного, вездесущего, непреодолимого, ... повсеместного, всеобщего учета и контроля [17, т. 34, с. 224; т. 35, с. 199]; превращение всех граждан страны в служащих по найму у одного всенародного, государственного «синдиката» [17, т. 33, с. 101]; ликвидация частной собственности, товарного производства, рынка, замена торговли планомерным распределением производственных ресурсов и продуктов потребления [17, т. 36, с. 74-75]. Наиболее одиозной и беспрецедентной в истории человечества была попытка большевиков ликвидировать деньги в масштабах всей общественной системы. В 1918-1921 гг. она осуществлялась в форме прямой «красногвардейской атаки на капитал», а впоследствии, в течение всей истории советской власти, – в модифицированном виде безрыночного социализма. Замалчивалась в советской историографии, до сих пор остается в деталях малоизвестной [8, с. 117-155; 28].

Факторы, обусловившие успех: необычная для русских интеллигентов сила воли Ленина, непоколебимая убежденность в правильности выбранного им пути и вера в историческое призвание осчастливить человечество; умение убеждать других, в том числе лозунгами «Мир – народам!», «Земля – крестьянам!», «Заводы и фабрики – рабочим!»; способность властвовать; жестокость, террор по отношению к противникам советской власти и инакомыслящим; создание первых в мире концентрационных лагерей; неразборчивость в средствах достижения целей; разжигание самых низменных инстинктов толпы провозглашением призыва «Греть награбленное!». Ученый и общественный деятель, пропагандист нравственности и духовности, доктор филологических наук, академик АН СССР Д.С. Лихачев, начавший свой путь к научным знаниям в 1914 г. в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, прошедший Соловецкий лагерь особого назначения и БелБалтлаг, знаток Древней Руси и России XX в. имел основания для горькой констатации: «Есть в нашем народе бесовщина. Если бы не она, никакой Ленин ничего не смог бы сделать».

Ленин абсолютизировал констатацию Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте»: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого» [21, с. 447]. Причем подобное понимание власти было распространено не только на «классово чуждые элементы», но и на самих представителей «господствующего класса». Ленин вполне допускал возможность применения насилия по отношению к рабочим, как и к другим слоям общества, вплоть до массовых расстрелов. Когда секретарь Коминтерна А.И. Балабанова, пользуясь доверием вождя, вернувшись из командировки в Киев, пожаловалась ему, что там расстреливают украинских социалистов, он спокойно ответил: «Разве вы не понимаете, что если мы не расстреляем этих лидеров, то можем оказаться в положении, когда нужно будет расстрелять десятки тысяч рабочих» [цит. по: 1, с. 173]. В 1920 г., прочитав в книге Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» чеканную фразу: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи», Ленин подчеркнул часть ее, начиная со слов «методом выработки», на полях отчеркнул эту часть текста тремя чертами и написал: «Именно!» [7, с. 198; 18, с. 424].

Ленин был вполне согласен с Марксом, называющим насилие «повивальной бабкой истории». Оно считалось большевиками естественным и универсальным способом решения всех проблем в стране, население которой почти на 95% состояло из приверженных индивидуальному хозяйствованию крестьян и других непролетарских слоев. Ленин считал, что такое положение должно быть кардинально изменено. Выступая 2 октября 1920 г. на III съезде комсомола, он говорил: «Надо чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [17, т. 41, с. 310-311]. Для этого необходимо было перетряхнуть всю Россию. Поэтому не стоит думать, что применение насилия диктовалось военными условиями, было вынужденным, как не раз говорил сам Ленин. В 1922 г. на XI съезде РКП(б) в полемике с Ю. Лариным он называл советскую власть по сути «террористической» [17, т. 45, с. 127]. После завершения гражданской войны, при переходе к новой экономической политике, к мирной жизни уже серьезно больной Ленин писал заместителю председателя СНК и СТО Л.Б. Каменеву 3 марта 1922 г.: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому» [17, т. 44, с. 428]. В письме наркому юстиции Д.И. Курскому 7 мая 1922 г. он требовал в уголовном

кодексе «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [17, т. 45, с. 190].

Современные поклонники Ленина, хорошо зная эти проявления установленной им «диктатуры пролетариата», оправдывают его тем, что он террором успокоил и стабилизировал разваливающуюся страну, заложил основы превращения ее «великим продолжателем дела Ленина» в мировую супердержаву, называют его «спасителем» и «создателем». Эти и другие адвокаты пережитой Отечеством дьяволиады плохо знают Россию и русский народ, который испытал много лишений и потрясений, но всегда, объединяясь на принципах добра, нравственности и справедливости с другими народами, сплачивая их вокруг себя, подобно легендарной птице Феникс «восставал из пепла». Как философски констатировал бывший посол Великобритании в СССР, России в 1988-1992 гг. Р.К. Брейтвейт, «ситуация в России никогда не бывает безнадежно плохой, как это может показаться на первый взгляд» [36].

Изложенное позволяет согласиться с выводом А.Н. Медушевского о том, что «смысл феномена большевизма... нуждается в новой интерпретации в контексте современного опыта экстремизма и терроризма» [22, с. 114]. Для этого необходимо проанализировать эволюцию большевизма после смерти Ленина, последствия реализации идей большевизма в СССР и то влияние, которое он оказывает на состояние общественной идеологии и психологии в современной России.

Список литературы:

1. Авторханов А. Ленин в судьбах России. Главы из книги // Новый мир. 1991. № 1. С. 173.
2. Акопов П. Отношение россиян к Октябрьской революции только кажется парадоксальным // Взгляд. Деловая газета. 2017. 12 окт. URL: <https://vz.ru/politics/2017/10/12/890583.html>
3. Божич А.С. Большевизм: шахматная партия с Историей. М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2009. 580 с.
4. Большевизм. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Большевизм>

5. Большевизм. Энциклопедия Коммунист.Ru. URL: <https://kommynist.ru/Большевизм>
6. Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: социально-психологический аспект: Материалы конференции 28-30 ноября 1994 г. / Редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 4-17.
7. Бухарин Н.И. Избранные произведения / Предисл., коммент. С.Л. Леонова. М.: Экономика, 1990. 542 с.
8. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография. Кн. 28 / Д.Е. Барашева, Л.С. Бороненкова, И.Г. Долинина и др. Новосибирск: Изд-во Центра развития научного сотрудничества, 2016. С. 107-155.
9. Гусяров Е.Н. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 640 с.
10. Данилов Е.П. Ленин. Тайны жизни и смерти. М.: АСТ: Zebra E, 2007. 656 с.
11. Из воспоминаний о Ленине. Фрагменты мемуаров как его сторонников, так и противников. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_/lenin_vi0memuar.php
12. Ильясов Ф.Н. Большевизм: норма или отклонение // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 1. С. 46-53.
13. Исаков В.А. Радикальные социалисты России (1860 – первая половина 1880-х гг.) о будущей власти // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 94-105.
14. Кожемякин В. Наталия Нарочницкая: чем грозит России демонизация советского государства? // Аргументы и факты 8 ноября 2017 г. № 45.
15. Конюшенко Е.И. Большевизм и Россия. К начертанию российской истории XX века. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/konyushenko/1-9.html>
16. Кротков Б. Революция: до основанья, а зачем? // Российская газета – Неделя. 2007. № 4508. URL: <https://rg.ru/2007/11/01/revolucia.html>
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 6, 12, 31, 33-45. М.: Политиздат, 1969-1982.
18. Ленинский сборник XL. М.: Политиздат, 1985. С. 424.
19. Лурье Ф.М. Нечаев: созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. 544 с.
20. Маркс К. Разоблачения о кельнском процессе коммунистов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 423-491.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419-459.

22. Медушевский А.Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114-126.
23. Нарочницкая Н.: «Еще одной революции Россия просто не переживет». Беседа с Е. Липатовой. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/natalija_narochnickaja_jeshhe_odnoj_revolucii_rossija_prosto_ne_perezhivet_2010-11-03.htm
24. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. Полный текст. URL: <http://introvertum.com/nechaev-katehizis-revolyuutsionera-polnyiy-tekst> (дата обращения: 10.09.2018).
25. Нечаев Сергей Геннадиевич. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нечаев_Сергей_Геннадьевич
26. Никонов В.А. Октябрь 1917: почему большевики смогли завоевать власть? // *Государственное управление*. 2017. № 64. С. 7-33.
27. Ольшевский В.Г. Здоровье человека и здоровье общества в контексте коэволюционной парадигмы и столетнего юбилея Октября // *Теория и практика современной науки*. Междунар. науч. журнал. 2017. № 5 (23). С. 620-634.
28. Ольшевский В.Г. Идея социализма и деньги: столетие несостоявшегося эксперимента // *Евразийский союз ученых*. 2017. № 9 (42). Ч. 3. С. 18-22.
29. Ольшевский, В.Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «красного Октября» // *Теория и практика современной науки*. Междунар. науч. журнал. 2017. № 6 (24). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf
30. Распад СССР: Документы и факты (1986-1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С.М. Шахрая; сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.
31. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.
32. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России. Публицистическое исследование. М.: Центр социального прогнозирования и исследования, 2011. 244 с.
33. Сельцер Д.Г. Китайский политический транзит. URL: <http://rospolitics.ru/209-dmitriy-selcer-kitayskiy-politicheskiy-tranzit.html>
34. Солод К.В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v>
35. Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. 509 с.

36. Сэр Родрик Брейтвейд. Не паникуйте, товарищи // Вечерняя Москва. 2004. 23 дек.
37. Ткачев Петр Никитич. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ткачев,_Петр_Никитич (дата обращения: 3.10.2018).
38. Ткачев П. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/tkach_terr.php
39. Третьяков В. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. Когда молчание не золото, а преступление перед собственной и мировой историей. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/165229>
40. Тютюкин С.В. Русский бланкист Петр Ткачев // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 123-126.
41. Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачева в отечественной историографии постсоветского периода // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 111-114.
42. Шуб Д.Н. Русские предтечи Ленина // Его же. Политические деятели России (1850-ых – 1920-ых гг.). Сб. статей. Нью-Йорк: Изд-ние «Нового журнала», 1969. Гл. 2. URL: http://www.plam.ru/hist/politicheskie_dejateli_rossii_1850_yh_1920_yh_gg/p3.php
43. Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 501-548.
44. Эфиоров С.А. Социальный нарциссизм (о массовом ослеплении, длившемся десятилетия) // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А.Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. С. 25-52.
45. Weeks A.L. The first bolshevik. A political biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press, 1968. XIV, 221 p.

References:

1. Avtorkhanov A. Lenin v sud'bakh Rossii. Glavy iz knigi // Novyi mir. 1991. № 1. S. 173.
2. Akopov P. Otnoshenie rossiyan k Oktyabr'skoi revolyutsii tol'ko kazhetsya paradoksal'nym // Vzglyad. Delovaya gazeta. 2017. 12 okt. URL: <https://vz.ru/politics/2017/10/12/890583.html>
3. Bozhich A.S. Bol'shevizm: shakhmatnaya partiya s Istoriei. M.: ООО «Алгоритм-Книга», 2009. 580 s.

4. Bol'shevizm. Material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Bol'shevizm>
5. Bol'shevizm. Entsiklopediya Kommunist.Ru. URL: <https://kommynist.ru/Bol'shevizm>
6. Buldakov V.P. K izucheniyu psikhologii i psikhopatologii revolyutsionnoi epokhi (metodologicheskii aspekt) // Revolyutsiya i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt: Materialy konferentsii 28-30 noyabrya 1994 g. / Redkol.: P.V. Volobuev (otv. red.) i dr. M.: IRI RAN, 1996. S. 4-17.
7. Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya / Predisl., komment. S.L. Leonova. M.: Ekonomika, 1990. 542 s.
8. Gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek i obshchestvo: monografiya. Kn. 28 / D.E. Barasheva, L.S. Boronenkova, I.G. Dolinina i dr. Novosibirsk: Izd-vo Tsentra razvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2016. S. 107-155.
9. Guslyarov E.N. Lenin v zhizni. Sistematizirovannyi svod vospominanii sovremennikov, dokumentov epokhi, versii istorikov. M.: OLMA-PRESS Zvezdnyi mir, 2003. 640 s.
10. Danilov E.P. Lenin. Tainy zhizni i smerti. M.: AST: Zebra E, 2007. 656 s.
11. Iz vospominanii o Lenine. Fragmentsy memuarov kak ego storonnikov, tak i protivnikov. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_1/lenin_vi0memuar.php
12. Il'yasov F.N. Bol'shevizm: norma ili otklonenie // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 1996. T. 66. № 1. S. 46-53.
13. Isakov V.A. Radikal'nye sotsialisty Rossii (1860 – pervaya polovina 1880-kh gg.) o budushchei vlasti // Voprosy istorii. 2004. № 10. S. 94-105.
14. Kozhemyakin V. Nataliya Narochnitskaya: chem grozit Rossii demonizatsiya sovetskogo gosudarstva? // Argumenty i fakty 8 noyabrya 2017 g. № 45.
15. Konyushenko E.I. Bol'shevizm i Rossiya. K nachertaniyu rossiiskoi istorii XX veka. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/konyushenko/1-9.html>
16. Krotkov B. Revolyutsiya: do osnovan'ya, a zachem? // Rossiiskaya gazeta – Nedelya. 2007. № 4508. URL: <https://rg.ru/2007/11/01/revolucia.html>
17. Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 6, 12, 31, 33-45. M.: Politizdat, 1969-1982.
18. Leninskii sbornik XL. M.: Politizdat, 1985. S. 424.
19. Lur'e F.M. Nechaev: sozidatel' razrusheniya. M.: Molodaya gvardiya, 2001. 544 s.
20. Marks K. Razoblacheniya o kel'nskom protsesse kommunistov // K. Marks, F. Engel's. Soch. 2-e izd. T. 8. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 423-491.
21. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii // K. Marks, F. Engel's. Soch. 2-e izd. T. 4. M.: Gospolitizdat, 1955. S. 419-459.

22. Medushevskii A.N. Fenomen bol'shevizma: logika revolyutsionnogo ekstremizma s pozitsii kognitivnoi istorii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. № 5. S. 114-126.
23. Narochnitskaya N.: «Eshche odnoi revolyutsii Rossiya prosto ne perezhivet». Beseda s E. Lipatovoi. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/natalija_narochnickaja_jeshhe_odnoj_revolucii_rossija_prosto_ne_perezhivet_2010-11-03.htm
24. Nechaev S.G. Katekhizis revolyutsionera. Polnyi tekst. URL: <http://introvertum.com/nechaev-katehizis-revoljutsionera-polnyiy-tekst> (data obrashcheniya: 10.09.2018).
25. Nechaev Sergei Gennadievich. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nechaev_Sergei_Gennad'evich
26. Nikonov V.A. Oktyabr' 1917: pochemu bol'sheviki smogli zavoevat' vlast'? // *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2017. № 64. S. 7-33.
27. Ol'shevskii V.G. Zdorov'e cheloveka i zdorov'e obshchestva v kontekste koevoljutsionnoi paradigmy i stoletnego yubileya Oktyabrya // *Teoriya i praktika sovremennoi nauki. Mezhdunar. nauch. zhurnal*. 2017. № 5 (23). S. 620-634.
28. Ol'shevskii V.G. Ideya sotsializma i den'gi: stoletie nesostoyavshegosya eksperimenta // *Evraziiskii soyuz uchenykh*. 2017. № 9 (42). Ch. 3. C. 18-22.
29. Ol'shevskii, V.G. Povsednevnost' kak kriterii polnoty istoricheskoi pravdy: k otsenke velichiya «krasnogo Oktyabrya» // *Teoriya i praktika sovremennoi nauki. Mezhdunar. nauch. zhurnal*. 2017. № 6 (24). URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf
30. *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986-1992 gg.): v 2 t. T. II: Arkhivnye dokumenty i materialy / pod obshch. red. S.M. Shakhrya; sost. S.M. Popova, A.A. Yanik. M.: Kuchkovo pole, 2016. 824 s.*
31. *Rassel B. Praktika i teoriya bol'shevizma. M.: Nauka, 1991. 123 s.*
32. *Ryvkina I.V. Sotsial'nye bolezni sovremennoi Rossii. Publitsisticheskoe issledovanie. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i issledovaniya, 2011. 244 s.*
33. Sel'tser D.G. Kitaiskii politicheskii tranzit. URL: <http://rospolitics.ru/209-dmitriy-selcer-kitayskiy-politicheskiy-tranzit.html>
34. Soloed K.V. Psikhologicheskie posledstviya repressii 1917-1953 godov v sud'bakh ot del'nykh lyudei i v obshchestve // *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza*. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v>
35. *Solomon G.A. Sredi krasnykh vozhdai. M.: Sovremennik, 1995. 509 s.*

36. Ser Rodrik Breitveid. Ne panikuите, tovarishchi // Vechernyaya Moskva. 2004. 23 dek.
37. Tkachev Petr Nikitich. Material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tkachev,_Petr_Nikitich (data obrashcheniya: 3.10.2018).
38. Tkachev P. Terrorizm kak edinstvennoe sredstvo npravstvennogo i obshchestvennogo vozrozhdeniya Rossii. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/tkach_terr.php
39. Tret'yakov V. Kak nam otmechat' 100-letie Oktyabrya 1917 goda. Kogda molchanie ne zoloto, a prestuplenie pered sobstvennoi i mirovoi istoriei. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/165229>
40. Tyutyukin S.V. Russkii blankist Petr Tkachev // Svobodnaya mysl'. 1993. № 14. S. 123-126.
41. Khudoleev A.N. Revolyutsionnaya teoriya P.N. Tkacheva v otechestvennoi istoriografii postsovetskogo perioda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 357. S. 111-114.
42. Shub D.N. Russkie predtechi Lenina // Ego zhe. Politicheskie deyateli Rossii (1850-ykh – 1920-ykh gg.). Sb. statei. N'yu-Iork: Izd-nie «Novogo zhurnala», 1969. Gl. 2. URL: http://www.plam.ru/hist/politicheskie_deyateli_rossii_1850_yh_1920_yh_gg/p3.php
43. Engel's F. Emigrantskaya literatura // Marks K., Engel's F. Soch. 2 izd. T. 18. M.: Gospolitizdat, 1961. S. 501-548.
44. Efirov S.A. Sotsial'nyi nartsissizm (o massovom osleplenii, dlivshemsya desyatiletiya) // V chelovecheskom izmerenii / pod red. i s predisl. A.G. Vishnevskogo. M.: Progress, 1989. S. 25-52.
45. Weeks A.L. The first bolshevik. A political biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press, 1968. XIV, 221 p.

Сведения об авторе:

Ольшевский Валерий Георгиевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор, Почетный доктор Российской академии естествознания (Минск, Беларусь)